

Андрей
Светловский

Зеркало
преподобной Феодоры
из жизни наших современников

**Амвросий Светлогорский
Зеркало преподобной
Феодоры. Из жизни
наших современников**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25278103

ISBN 9785448550379

Аннотация

Скрываясь в монастыре после нравственного падения, главная героиня и в обители вынуждена бороться с кознями искусителя...

Содержание

Часть первая	6
Пролог. Первое появление заказчика	6
1. Странник	13
2. Сон Феодоры. Второе появление заказчика	14
3. Ослепление	21
4. Сомнамбула	31
5. Видение своего греха	35
6. Уход	38
7. За советом к игуменье	46
8. Пятидесятый псалом	60
9. Приход Феодоры в монастырь	64
10. Схимонах Серафим	68
11. Буря	80
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Зеркало преподобной Феодоры Из жизни наших современников

Амвросий Светлогорский

*«Жить – не тужить,
никого не осуждать,
никому не досаждать,
и всем мое почтение».*

Прп. Амвросий, старец Оптинский

*«...пришел Он в одно селение; здесь женщина,
именем Марфа, приняла Его в дом свой;
у нее была сестра, именем Мария,
которая села у ног Иисуса и слушала слово Его.
Марфа же заботилась о большом угощении
и, подойдя, сказала: Господи! или Тебе нужды
нет, что сестра моя одну меня оставила слушать?
скажи ей, чтобы помогла мне.
Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа!
ты заботишься и суетишься о многом, а одно
только нужно; Мария же избрала благую часть,
которая не отнимется у нее».*

Евангелие от Луки

Дизайнер обложки Полина Павловна Комарова

© Амвросий Светлогорский, 2017

© Полина Павловна Комарова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-5037-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Пролог. Первое появление заказчика

В белую ночь по безлюдной Миллионной улице Петербурга от Марсова поля в сторону Зимнего дворца ехала необычная карета. Четыре литых причудливой формы фонаря в стиле барокко броско сверкали по ее углам. Громоздкая вычурная карета с мрачным домино на месте кучера, запряженная двумя парами гнедых жеребцов, на пустынной улице выглядела особенно грозно и внушительно.

Около атлантов, а точнее, не доезжая до них, на Зимнем мосту карета остановилась, и некто в черном плаще, легко спрыгнув с подножки на булыжную мостовую, энергично направился по набережной Зимней канавки к сидящему за мольбертом художнику. Художник, казалось, вросся в урбанистический пейзаж и стал неотъемлемой частью этого пейзажа, там, где Зимняя канавка разъединяла два нависших над ее гранитной набережной дворца.

Полумаска скрывала лицо незнакомца в черном, и потому художник, довольно весело взглянув на шедшего в его сторону, громко спросил, видимо устав от одиночества и желая хоть с кем-то поговорить, хоть с этой полумаской.

– Месье, по мою душу?

Эхо, отлетая от каменных фасадов зданий, несколько раз повторило последнее слово. Незнакомец развернулся и пошел назад к экипажу. Художник крикнул вдогонку свой вопрос еще раз. И опять эхо заметалось между зданий и развернуло незнакомца, готового уже запрыгнуть в карету. Но теперь незнакомец за пару секунд оказался рядом с художником и, склонившись над ним, прошептал низким грудным голосом:

– Так вы готовы мне отдать ее?

Художник растерялся от такого внезапного натиска и, скривив лицо, глухо переспросил незнакомца:

– Чего?

– Душу!.. Душу... На каких условиях?

– Это метафора! Что вы хотите?

– Вашу душу.

Пауза повисла в воздухе. Незнакомец выпрямился в ожидании. Художник отстранился от работы и более внимательно рассмотрел подошедшего. Черный плащ с припуском ниспадал до земли, слегка волочась по мостовой, широкополая шляпа с нелепым иссиня-черным пером венчалась светящейся монограммой в виде сплетенных букв «Р» и «Х». Вензель магнетизировал взгляд, и художник уставился на него. Пауза затягивалась. Незнакомец нарушил паузу, протянув художнику визитку:

– Разин. Это псевдоним! Так легче – лишние вопросы не задают.

– А чего вы так боитесь вопросов? Задали, а вы не отвечайте!

– В каждом вопросе содержится ответ, поэтому задающий вопрос больше узнает обо мне. А мне, как вы понимаете, этого не надо.

– Ну да, иначе зачем тогда псевдоним!.. Игорь, художник. Игорь засмеялся, а незнакомец пару раз громко хрюкнул. Игорь еще пуще засмеялся.

– Ну, у вас и смех, сер Разин!

– Я никогда не смеюсь, юмор не чувствую, но зато хрюкаю как свинья и этим смешу окружающих.

– Так вы, значит, хотели меня рассмешить или – мою... душу? Знаете, и то, и другое вам удалось.

– Да, именно, хотел вашу бессмертную душу. Говорите условия, я их приму.

– Э, нет! Опоздали! Я ее уже заложил.

– Как? Кому? Когда?

– В картины, в картины, сер Разин! Если не вкладывать душу в картины, то будет – просто мазня.

– Ух ты – перепугали меня! Это совсем другое... Тогда представлюсь вам еще раз: я – заказчик... А если я закажу вам картину?

– Закажите, но только я пишу исключительно по вдохновению. Когда оно придет – не знаешь, потому и денег не беру вперед. Сроки-то могут спугнуть музу. Уберите деньги.

– А это не деньги – это документы на собственность. Это –

дарственная. Я дарю вам отменную мастерскую, где ваша музыка поселится с вами!

Заказчик с заметным усилием выдернул перо из шляпы, при этом так скривился, будто перо было частью его плоти и он выдернул его вовсе и не из шляпы, а из головы, откуда оно будто бы и произрастало.

Порыв ветра вспенил воду, а может, это был не ветер, а ангел, предостерегавший художника от необдуманного шага.

Гнедые жеребцы заржали и нервно застучали подковами. Но заказчик, казалось, не обращал на это ни малейшего внимания и пристально смотрел на художника.

– Держите, а то оно улетит.

– А на каких условиях?

– Ни на каких! Только подпись... И работайте себе на славу, а для меня выполните один заказ...

– Что именно? И какие сроки?.. я же говорю, что не могу обещать...

– Без времени! Как напишете, так напишете! Я же понимаю, что все зависит от вдохновения.

– Почти все! А тема?

– Вот тему я дам – это и есть мой заказ! Тема в договоре, вы подпишите и ознакомьтесь. Главное – быть в теме, в формате, как сейчас говорят, или будут скоро говорить. Понимаете, для меня время ничего не значит! В вашем понимании – я готов ждать. Поверьте мне.

– Ну, если вы не будете торопить и приставать с пожела-

ниями, то...

– Вот здесь впишите имя и поставьте подпись... Нет-нет, не вашей кисточкой, а моим пером, вот этим со шляпы. Держите, а то оно улетит.

Игорь потянулся к перу, но не успел его взять, как перо взлетело и, описав небольшую дугу, воткнулось ему в ладонь. Игорь стоял и смотрел на торчавшее из его ладони, как из чернильницы, перо. Странно, но боли он не чувствовал, хотя видел, как кровь скапливается в ладошке. Ангел сильнее прежнего вспенил воду в Зимней канавке.

Чистое небо вдруг стало быстро заволакивать тучами. Резко потемнело, хотя приближался рассвет. Заказчик занервничал, заерзал и в нетерпении стал хрюкать носом.

– Ну, чего ты медлишь? Ставь имя и подпись! И сразу после подписи перо воткни мне в... шляпу! Понял? Давай, давай, не медли.

Игорь быстро подписал бумаги, передал их незнакомцу и воткнул перо в шляпу. Заказчик взвыл от боли и сорвал с себя полумаску, все это время скрывавшую его лицо. Но и без полумаски лицо невозможно было разглядеть из-за широкополой шляпы, да и небо еще больше помрачнело и потемнело. Ветер дул резкими порывами.

– Чего ж ты наделал! Это чье имя «Феодор»? Я же говорил, что надо подписывать от себя!

– Это мой псевдоним. Как и у вас.

– Как у меня, как у меня! Ладно, теперь уж все равно бу-

маги испорчены. Хотя, может, и получится. Держи твой экземпляр на собственность.

– А вам – не нужен?

– А мне достаточно, что ты кровью подписал... Сможешь по псевдониму въехать в мансарду, а она свободна и ждет тебя, то выполняй мой заказ.

– Так что за заказ-то?

– Там же написано! Ты что же, не читал?!

– Нет, не успел! Сами ж гнали. Да и как тут прочтешь: белые ночи почернели!

Заказчик провел ладонью по бумаге, и та зафлуоресцировала. Игорь, несколько не удивившись такому необычному освещению, уткнулся в документ и стал медленно читать. Незнакомец опять хрюкнул, но теперь больше от возмущения нерасторопностью Игоря.

– Надо было сказать, что во тьме не видишь. Да не читай все подряд, если захочется, то потом прочтешь! Вот тридцать третий пункт: «Поле битвы – сердце человека!» Все остальное сам придумываешь... Расстроил ты меня, псевдонимщик. Предупреждать надо.

Простившись с Игорем, заказчик быстро вернулся к экипажу и прыгнул в карету. Лошади заржали, рванулись с места, и экипаж исчез за углом.

Игорь остался стоять со скомканным в руке договором перед незаконченной картиной, на которой некто в черном запрыгивал в карету восемнадцатого века. Взгляд Игоря был

прикован к оставленной на мостовой полумаске исчезнувшего заказчика. Игорю казалось, что полумаска выжидающе смотрела на него и морщилась, как и сам Игорь, от избытка серы в атмосфере. Он перевел взгляд на картину и... дорисовал на холсте полумаску, лежащую на мостовой.

1. Странник

Темной осенней ночью по лесной тропе на слабо мерцающий вдалеке свет шел странник. Тропы не было видно, и он то и дело спотыкался и падал, но каждый раз безропотно поднимался и продолжал идти на мерцающие огни. Лес был редкий, старый, и часто приходилось перелезать через стволы и корни поваленных бурей вековых деревьев. Раз странник запутался, наступив в клубок тонких, крепких корней, и, высвобождаясь от сковавших движение пут, рванулся что есть сил, да не смог разорвать узы, а напротив, еще более увяз, провалившись по пояс в заброшенную медвежью берлогу. Но и этому падению путник не удивился и, высвободив руки, зажег свечу и зашептал Иисусову молитву...

Когда лес кончился, странник остановился перевести дух и стал вглядываться в отдаленное мерцание. Луна вышла из-за тучи, и взору странника предстал купол монастырского собора. Перекрестившись, он пошел по дороге, ведущей к монастырю...

Ворота были закрыты, но в лунном свете частично проступала резная надпись на деревянной табличке слева от ворот: «Монастырь преподоб...» Далее буквы поглощала темнота.

Странник присел на лавочку у монастырских ворот и задремал.

2. Сон Феодоры. Второе появление заказчика

В мансарде жилого небоскреба, стоящего в центре столичного мегаполиса, располагалась художническая мастерская. Относительная тишина и творческий беспорядок в мастерской свидетельствовали о временной паузе в работе. Легкое дыхание доносилось с викторианского канапе, где в изящной позе спала Феодора, жена художника. Она заснула, позируя своему мужу, который приступил к написанию заказного полотна на библейский сюжет и делал эскизные наброски со своей жены.

Проведя несколько заключительных штрихов на очередном эскизе, Игорь, не без улыбки, подошел к спящей Феодоре, взял ее на руки и перенес на большую круглую кровать, что как гигантская палитра стояла на подиуме в углу мастерской.

†

Феодора спала и видела сон, как она просыпается от ласк незнакомца в полумаске, который стоял рядом с ней, лежащей в позе натурщицы на викторианском канапе, и осыпал ее лепестками роз.

Феодора застонала от наслаждения, но лишь незнакомец сделал попытку более откровенно прикоснуться к ней, как

она повелительно указала ему на кресло-качалку. Человек в полумаске повиновался и, не дожидаясь вопроса, первым нарушил молчание:

– У меня к вам есть весьма деликатный разговор...

– Это касается меня или творчества моего мужа?

– Вас в творчестве вашего мужа! Я сделал ему заказ.

– Так вы заказчик? Последние месяцы он работает над одним чрезвычайно необычным заказом, более философским, нежели живописным... Эти эскизы...

– Эти эскизы эмоциональны, но в них нет философии.

– Философия заключена в эмоции.

Заказчик вскочил, схватил стопку эскизов и подбросил ее вверх. Эскизы разлетелись по всей мастерской и зависли в воздухе, а он заметался с яростью в глазах, запрыгал от одного эскиза к другому и стал сбивать их тростью, кромсая, кромсая и кромсая наотмашь. Так мальчишки сбивают лопухи в поле, с той лишь разницей, что они делают это в заливчатском детском кураже, а не в азарте кровавой охоты.

Насладившись битвой с эскизами, заказчик юркнул в кресло-качалку и затих, и только отдышавшись, изрек тихим вкрадчивым, похожим на шипение змеи, голосом:

– Разум и эмоции – антитезы. Эмоции блокируют разум.

Чистый разум не имеет эмоций.

– Великий человек для малых дел? Сильные чувства – примитивные мысли.

– Да, но только берите выше! Христос и антихрист.

– Откуда вы можете знать про антихриста?

– Я?

Заказчик взмахнул тростью, и эскизы, висевшие в воздухе по всему пространству мастерской, закружили окрест Феодоры, образуя кольцо.

Эскизы вращались вокруг Феодоры с кинематографической частотой, так что дискретные рисунки превращались в одну движущуюся картину. Точно «Великий Немой» с рубежа двадцатого века, только в виртуальном отражении современной кибернетики, вставал перед Феодорой, иллюстрируя и дополняя интеллигентную беседу. Работы Леонардо, Микеланджело, Рафаэля, Босха, Иванова, Поленова, Васнецова крутились вокруг Феодоры.

– Живописная трактовка Евангельских сюжетов! Я соглашусь, что визуальное восприятие легче, ярче и убедительней. А вы согласны, что философская мысль, заключенная художником в образ на холсте, и эмоциональна, и прорицательна?

– Но не оригинальна! Да, да! Нет оригинальных художников. Тот же Дали, ведь ни одного оригинального образа – все слизано у Босха или у Леонардо; а я уж не говорю про идеи! С идеями вообще глухо! Вот ваш муж наверняка работает над Евангельским сюжетом?

– Да! И это, по-вашему, конечно, не оригинально?

– Сюжет сам по себе не может быть оригинальным – все сюжеты известны были еще до Леонардо. Главное – это трак-

товка, точка зрения, то есть – философская мысль. И я хотел, чтобы ваш муж окрасил мысль эмоционально, то есть поставил вопрос от противного! Да вижу лишь изящные наброски в стиле Дали – плоско и неоригинально! Ничего нового.

– Эскизы не отражают задумки, поэтому он и ищет натурщицу.

– Зачем искать, когда у него все под рукой! Ты же перед ним всегда!

– Я не подхожу! С меня он пишет беспорочный образ. Не смейтесь, он так видит.

– Он не смотрит вглубь и суть не видит! Что хочет написать он на картине?

– Иисусу оmyвает ноги и вытирает их своими волосами грешившая с мужчинами не раз. Грех кающейся грешницы смывается с водой, стекающей с Иисусовых ступней. Порочность отражается в растекшейся воде, а лик у бывшей грешницы преображен раскаяньем глубоким и прощеньем ТОГО, чьи ноги ей позволили омыть.

– Так, значит, прав я! Мужу расскажи, как Леонардо, сам великий Леонардо, искал натурщика для «Тайной Вечери»! Не год, не два – четыре года!

– Так в чем вы правы?

– В том, что у него все под рукой: вы – та натурщица, которую он ищет.

– Но я уж говорила...

– Дослушайте! Сначала Леонардо нашел натурщика для

образа Христа, то певчий был, на хорах пел в соборе – юн, чист, красив. Он начал к «Тайной Вечере» писать эскизы, но не мог закончить фреску без образа Искарриота, предавшего ЕГО. Четыре года Леонардо не сделал ни мазка – искал, искал повсюду безуспешно. Через четыре года в подворотне приюта для бездомных он увидел натурщика для образа Иуды-предателя. То нищий был с расстроенным рассудком, с непреходящей жаждой умереть, изъеденный пороком и страстями: опухший нос, блудливые глаза, щепотка рыжей бороды и плешь. Едва увидел он творенье Леонардо, как, падши ниц, стал клясться, что уже позировал для этой же работы. Тут выяснилось, что служил он раньше в соборе певчим – юн был и красив. Но страсть к вину и женщинам лишила его всего: здоровья, голоса и места. Два образа: ОДИН для всех и – каждый для себя! Вот – антитеза! ОДИН взлетает – падает другой! ОДИН восходит, а другой грешит. И это все заключено в одном натурщике! Вот – антитеза! Вот почему мы вечно будем восторгаться шедевром, сотворенным Леонардо!

Незнакомец умолк, прыгнул в кресло и стал покачиваться в нем, бережно держа в руках букет из стебельков с шипами – это все, что осталось от роскошных алых роз. Тишина повисла в мастерской. И тут у Феодоры перехватило дыхание. Находясь на границе между сном и явью, она смотрела на заказчика, образ которого в кресле-качалке то проступал, то таял. Наконец он совсем исчез, и Феодора нервно вздохнула

с коротким громким вскриком и проснулась окончательно.

†

Подушка была увлажнена – то ли от пота, то ли от слез во сне. Муж в испачканном красками костюме спал рядом. Феодора стала его будить: шевелить и трясти.

– Проснись, проснись, прошу тебя. Мне снился сон, где твой заказчик в маске ходил по мастерской, ругал Дали, критиковал и рвал твои эскизы, а Леонардо приводил в пример.

– Меня сравнил он с Леонардо? Это лестно, но он заказчик, и ему видней. А что хотел он?

– В том-то и проблема! Взывал к тебе и призывал тебя во мне увидеть обе ипостаси: святой и грешной.

– Святой и грешной?.. Он в тебя влюблен! Влюбился, как юнец, а ведь какой солидный!

– А маска для чего?

– Заказчик – значит казнь; по существу – палач. А палачи всегда носили маски!

– Ты шутишь! Но, поверь, мне не смешно. Не щекочи, мне вовсе не до смеха.

– Спи, спи! Смех – наилучшее снотворное влюбленным!
Ха-ха-ха-ха...

Игорь так хотел спать, что разговаривал с Феодорой не открывая глаз, но она все тормозила его и тормозила. Тогда он, зная ее слабость к щекотке, и чтобы закончить эти, как ему казалось, глупые, бесконечные расспросы, стал щекоч-

тать ее. Очень скоро он довел щекотанием Феодору до икоты и конвульсий. Она, корчась от хохота, скатилась с кровати, а Игорь, как ни в чем не бывало, снова заснул.

Добравшись до столовой, Феодора выпила воды и почти успокоилась, как на глаза попал опавший букет роз, что Игорь хранил для эскизов. Она так порывисто схватила букет, что шипом до крови проколола палец. Зажав ранку, Феодора села за компьютер и в сердцах черкнула письмецо в блоге: «Ты, тот, который приходил ко мне во сне, мой муж мне говорит, что ты влюблен. Коль я действительно являюсь страстью, желанием твоим, то жду тебя сегодня после службы возле церкви. Одна. Без мужа, без машины. Жду... А в доказательство любви ты привези мне то, с чем приходил ко мне во сне сегодня ночью!!!»

3. Ослепление

В воскресный или предпраздничный день около церковных ворот после вечерней службы выстраивался коридор из просящих милостыню. Но была среда, и стояло всего несколько человек.

Феодора вышла из собора, миновала церковный двор и прежде чем пройти ворота, развернулась и перекрестилась на собор. Феодора приготовила деньги для раздачи милостыни, но едва вышла через ворота на аллею, как к ней подлетела на высоких тонких цокающих шпильках экзальтированная особа в обтягивающем декольтированном наряде и, подхватив ее под руку, потянула в глубину аллеи. Феодора с нескрываемым удивлением прошла несколько шагов вместе с ней, но окинув взглядом особу, остановилась и покачала головой. Особа тут же ухватилась за этот взгляд и, передразнив Феодору, тоже покачала головой:

– Вам мой наряд не нравится? Или нервирует стук шпилек? А меня и будоражит, и заводит!

– С чего вы бросились ко мне?

– Вы Феня?.. Жена Феодора? То есть Игоря?

Феодора вздрогнула и пристально посмотрела в глаза незнакомки, но та прятала свой взгляд за издевательским прищуром. Что-то настораживающее было в этом прищуре и даже отталкивающее; позже, значительно позже Феодора

поймет и определит движущую силу, скрывавшуюся за прищуром, – это глумление. Ей захотелось уйти, но она сдержала этот порыв. «Чего-то же ей надо! Этой странной особе. И при чем здесь Игорь? Он мне не говорил про такую знаковую».

– Да, я Феодора, жена Игоря. А Феодором его только я называю. Что с мужем?

– Ничего. Все нормально, все как обычно – всю ночь будет торчать над мольбертом, выводя линии твоего тела.

«Это действительно так, но откуда она знает это?» – подумала Феодора и недоверчиво окинула взглядом особу, а та уже улыбалась ей, выставя напоказ здоровые крепкие зубы. «Нечеловеческий оскал», – промелькнуло в сознании Феодоры, и тут же она поняла, что дело было вовсе и не в муже, а в ней самой! Ей снова захотелось развернуться и уйти. Что-то толкало ее прочь от этой взбалмошной особы, но что-то и удерживало, не отпускало ее, и после секундного колебания она все-таки продолжила разговор, отдавшись неосознанному влечению, властного зова которого не хотела признавать, но и сопротивляться которому открыто было бы, как ей казалось, анекдотично. Так запутавшийся в своих поступках, чувствах, думах и помыслах человек, как заплутавший в лесу, понимая, что лучше всего успокоиться, отдохнуть и собраться с мыслями, а потом действовать, напротив – бежит сломя голову по лесу напролом чрез бурелом пока есть силы, боясь себе признаться, что заплутал, рассчи-

тывая на случайное избавление. И только окончательно измаявшись, уже совсем без сил, лежа в полной темноте неведомо где, вспоминает о Боге, как о единственном своем спасении.

И Феодора решила не отступить, ошибочно полагая, что отступление – есть поражение! Ну не знала она тогда, что надо было пройти мимо, осенить себя крестным знамением и пройти мимо. Нельзя вступать в игры с бесом, тем более на его территории и по его правилам.

– Откуда это вам известно?

– Ха-ха! А кому как не мне и вам должно быть известно!

– Кто вы?

– Я? Хы! Я – Анна Тасс. Давний близкий друг вашего супруга. Ох, как вы побледнели! Да нет ничего такого, чтобы вам бледнеть! Все женщины делают это!

– Что? Что вы сказали?

– Я говорю, что все женщины делают это!.. Слышали оперу моего любимого Вольфганга? Ох, какой реквием он написал по просьбе моего друга.

Анна Тасс вдруг закатила глаза и лихорадочно заходила вокруг Феодоры, цокая шпильками и возбужденно размахивая руками, постанывая и бормоча, будто дирижировала невидимым симфоническим оркестром. Этот воображаемый концерт продолжался ощутимо долго, но наконец она, взмахнув обеими руками, в экстазе сломала воображаемую дирижерскую палочку. После чего на несколько се-

кунд замерла, едва переводя дыхание. По порывистым и частым вздохам было видно, что эмоции от воспоминаний переполнили ее, и она молчала, гордо смотря поверх голов воображаемой публики, будто в ожидании аплодисментов. Но аплодисментов не было, разве что лишь опять в inferнальном мире Анны Тасс. Феодора же точно не верила своим глазам и заворуженно, не отрывая взгляда, смотрела на внезапно оцепеневшую Анну Тасс, которая почувствовала, что нащупала в Феодоре порочную струнку – тягу к неведомой страсти. Воображаемый хрупкий желанный мир Феодоры столкнулся с ирреальным потусторонним клубком властных и даже могущественных страстей, способных испепелить любого, осмелившегося доказывать свою индивидуальность и превосходство. Феодора ощутила непреодолимое стремление подчинить эту изоциренную «давнюю близкую подругу своего мужа», полностью подчинить себе. Навивная Феодора и не подозревала, что именно этого подчинения и добивалась от нее Анна Тасс. А как еще можно манипулировать человеком, не подчинившись ему полностью, точнее – не убедив его в том, что именно ему все подвластно и он за все отвечает.

– Какой, какой замечательный реквием он написал по просьбе моего друга, правда, так и не закончил его, не успел, и тоже из-за моего друга... хи-хи. Теперь вы покраснели! Напрасно! Да-да-да, напрасно! Меня нечего бояться, я не муза. Муза – вы. И для своего мужа вы – муза,

и для моего друга – муза; вы, а не я!

Анна Тасс вдруг противно и мерзко захихикала, делая рукой знаки затормозившему невдалеке автомобилю.

– Какого друга?

– Того самого, смотрите, остановилась машина. Вон, видите? Вот стекло опустилось, и он нам машет рукой, скромно так машет. Видите? Видите!

И Анна неожиданно запрыгала и, сорвав с себя кашне, вновь закружила вокруг Феодоры. Шпильки отстукивали мелодию, а длинный шарф, как плащ мага на арене цирка, витал в пространстве перед Феодорой, ваяя легкие, почти безвинные, нежные образы, которые, тем не менее, будили воображение и пробивали сладострастные ростки соблазна в ее душе, и приятная дрожь временами пробегала по ее телу.

– Кто он такой? Он уже месяц не дает мне спокойно молиться в церкви. Смотрит на меня, буравит, будто рентгеном просвечивает, так и раздевает меня взглядом. Кто он?

– Тот, кого вы приговорили к смерти.

Магический шарф изобразил сцену самоубийства и растянулся у ног Феодоры.

– Да ну! Я-то тут при чем? Да, я смотрела на него... Да, я отвечала ему, но... только... только взглядом! Только взглядом!

– И все?! Ваш взгляд красноречивее слов. Ну нет, ведь это не все! Вспомните, вспомните хорошенько. Вы выходите за ворота следом за ним. Вы идете следом за ним! Он садится

в машину и оставляет дверцу машины открытой, чтобы вы сели! Вот как сейчас...

Дверца машины действительно открылась, и темный проем салона стал притягивать к себе взгляд Феодоры. Голос Анны Тасс зажурчал тихо, вкрадчиво и томно, слегка чем-то напоминая шипение змеи.

– Вот, вот как сейчас... как сейчас... как сейча-а-а-с-с-с.

– Но я не села, я прошла мимо!

– Всегда ли вам хотелось пройти мимо? Раз, два, три, а... на четвертый раз...

– Не на четвертый, а на пятый – я задержалась около его машины... и... и...

– И как бы невзначай перчатку обронили... И эта ваша перчатка довела его до безумия. Видно, ваша перчатка издает какой-то аромат, который на него воздействует. Он порешил, что сегодня убьет себя, если вы не станете его... хоть на одну ночь... на одну ночь...

– Нет, нет, нет. Это невозможно!

– Хоть на полночи...

– И тоже: нет и нет!

– На час. Всего на час. Один лишь час.

Иначе он убьет – не вас, себя.

Перчатка ваша к вам и приведет!..

Да и свидетелей полно, как он

ждал вас в машине, дверь открыв... Вот как сейчас.

– Кто он? Он не художник?

– Почти, он меценат – тот, кто художников содержит.

Феодоре вдруг стало не хватать воздуха, ее дыхание участилось до предела, но она не двигалась с места и молчала; и именно это молчание вдохновило Анну Тасс.

– Когда бы так в меня был кто влюблен,

вот так, что жизнь готов отдать

за час, один лишь час с тобой, – то я

вознаградила бы его сверх меры...

И если вы даруете ему

всего лишь час, один лишь час – не больше,

то вы его помилите. Вы...

жизнь новую ему подарите,

ведь с прежней – он уже простился! Кровью

свой приговор он молча подписал!..

Когда бы так меня любил хоть кто-нибудь! – вот так, как он вас любит! Бескорыстно, безнадежно, безропотно...

Феодора медленно идет к машине, но в трех метрах от открытой двери останавливается: ей кажется, что около машины под ковром из алых роз блестит чешуйками змея. Феодора резко оборачивается к Анне Тасс, но той нигде нет. Феодора поворачивается к машине, ищет взглядом змею, но и змея – исчезла! А под ухом Феодоры знакомый голос зашипел, зашептал, запричитал, заплакал, уговаривая:

– Это не грех спасти другого, ничтожно мало заплатив; это не грех, не роскошь, не соблазн – дать жизнь другому. В чем повинен он – в том, что тебя, увидев, полюбил? Уже

стемнело – ночь приходит, и нет греха. Коль был бы день, то это был бы грех – грехи свершают ослепленные под солнцем. А ночью...

– А ночью? Нет, в преддверье ночи, вот как сейчас, когда уж солнце село?

– Коль солнце село – нету и греха. Есть только жертва во спасение другого... Но согласишься, что это благородно – спасти другого, жертвуя собой?!

Феодора шагнула к машине и исчезла в темном проеме салона. Дверь машины медленно закрылась, пронзив предвечернюю тишину странным звуком, отдаленно напоминающим звук падающего скоростного лифта, виртуозно воспроизведенный квинтетом виолончелистов, в экстазе обрывающих струны до завершающей ноты.

†

Лифт, ускоряясь, несся в чреве небоскреба. Пролетевши точку горизонта, лифт растворился в мрачной глубине бездонной шахты.

†

Игорь делал молниеносные наброски на бумаге, стремясь линией и мазками передать скорость падения лифта, состояние невесомости находящихся в кабине лифта и осознание неотвратимости расплаты за содеянное смотрящих на исчезающий в бездне лифт.

Всем нравится кататься на скоростном швейцарском лифте вверх и вниз. Почему? Потому что в скоростном лифте испытываешь многократную перегрузку при движении вверх? Нет! Потому что при движении вниз испытываешь состояние невесомости – как при падении в бездну; то есть на долю секунды ощущаешь себя сорвавшимся в пропасть.

Бездна затягивает. Человеку трудно, очень трудно устоять на краю бездны – лучше даже не подходить к краю, а то сорвешься или сам прыгнешь. Заберитесь на высотный дом, подойдите к краю, и вы почувствуете, как у вас что-то защекает внутри и приятная сладостная дрожь пробежит по телу, – это тянет бездна...

Игорь рисовал тоннель метро и станцию, мимо которой поезд, выныривая из тоннеля, пронесился с невероятной скоростью и нырнул в другой тоннель.

Вихрь, поднявшийся от проскочившего поезда, сдергивал одежду со стоящих на станции, вырывал из рук сумки, портфели, книги и уносил награбленное по замысловатой спирали вслед за собой в бездну...

Горный серпантин. Несколько машин на предельной скорости, обгоняя друг друга, не замечают поворот и срываются в пропасть, но упав, оказываются на полу в огромном за-

ле, где построены: игрушечный метрополитен, шахта лифта и горный серпантин, с которого только что сорвались две машины.

Сорвавшиеся машины лежат недалеко от игрушечной дороги рядом с маской заказчика.

†

Феодора плыла под водой, задержав дыхание, плыла наверх; ей страстно хотелось вздохнуть, но она никак не могла выплыть из глубины. Там, наверху, на поверхности воды была та дверь, до которой надо было доплыть, и которую надо было открыть, а за ней – свет и воздух; она подплывала все ближе и ближе. И вот, наконец, поверхность воды. Теперь надо только открыть дверь! Феодора судорожным рывком распахнула автомобильную дверь и... сделала долгожданный вдох!

4. Сомнамбула

На скоростной городской магистрали под нервический визг шин затормозило шикарное авто. Дверь машины открылась, и из салона прямо на середину дороги выпрыгнула Феодора. Машина сорвалась с места и исчезла в мрачном проеме тоннеля, оставив Феодору на трассе.

Феодора стояла посреди трассы под ослепительным светом многочисленных фар. Ее тонкая, легкая, облегающая изящное тело одежда просвечивала на свету, и взору удивленных водителей она представлялась нереальным, сказочным, окутанным в белоснежное облако ангелом во плоти, спустившимся с небес среди ночи на нашу грешную землю. Скрипели тормоза, жглись шины; машины останавливались одна за другой. Чей-то кабриолет повело юзом, произошло столкновение, и покореженные машины перекрыли движение. В довершение всего автобус, переполненный пассажирами, врезался в образовавшуюся пробку и уже наглухо перегородил трассу. Машины стояли, а пробка все росла, но совсем не было слышно людских криков: все были зачарованы неземным эфемерным ангельским образом Феодоры.

Феодора тем временем, легко славировав меж разбитых машин и игнорируя дикие взгляды возбужденных до онемения водителей, исчезла в тоннеле.

Все свидетели непредсказуемого появления Феодоры

в образе сказочной феи и ее внезапного исчезновения так бы и простояли невесть сколько, если бы не недокуренная сигарета, выроненная кем-то и упавшая прямо на бензин, вытекший из перевернутых и покореженных машин на асфальт. В этом многоточии почти нереального ночного происшествия на скоростной магистрали города была поставлена яркая огненная точка. Пламя разом охватило с десятков машин, и люди, спасаясь от огня, побежали в тоннель, туда, где минутами ранее скрылась Феодора.

†

А Феодора уже шла от лифта по подземной автостоянке к своей машине; подошла, села за руль и заревела. Да как заревела: в полный голос, дико и истошно.

Перепуганный охранник набрал телефон Игоря и, заикаясь, с паузами, чтобы Игорь услышал исступленный рев жены, умолял его спуститься на стоянку как можно быстрее.

– Скорее спускайтесь, это охранник со стоянки, ваша жена рыдает... Слышите? Это ваша жена... не знаю, почему... похоже на истерику... Скорее спускайтесь, я не знаю, что делать с ней... нет, ничего не делаю... да, стою и смотрю... вы сели в лифт... я жду, не уйду.

Игорь выскочил из лифта и увидел свою жену, безмолвно сидящую в машине и смотрящую сквозь Игоря.

– Очнись, Феодора! Ты давно тут сидишь?

Феодора зашептала, тихо и четко произнося слова:

– Я вообще ничего не помню. Как я оказалась в нашей машине?

– Там наверху около тоннеля случилась страшная авария, и образовалась колоссальная пробка: скорая на скорой, пожарные, МЧС. Смертей нет, не волнуйся, но все в ужасном состоянии легкого помешательства. Смотри, я сделал снимки.

На экране мобильного мелькают кадры аварии, произошедшей из-за Феодоры около часа назад.

– Все говорят про обнаженную красотку. Якобы она танцевала между машин и была так ослепительна, что водители бросали руль, жали на тормоза и тупо смотрели на ее танец.

Феодора вспомнила замороженные взгляды, сопровождавшие ее бег среди покореженных машин, и зашептала тихо, но четко выговаривая слова монотонным глухим голосом:

– Тупо? Почему же тупо, если она – красотка? Они смотрели с вожделением, откровенным, нескрываемым вожделением; алчно и покорно.

Никогда прежде Игорь не слышал, чтобы Феодора говорила таким низким мрачным голосом. Игорь бросился к Феодоре, обнял ее и стал целовать, желая успокоить. И вдруг Феодора очнулась и вся задрожала, то ли от испуга, то ли от озноба, то ли от стыда.

– Помоги мне, Гарик. У меня такая усталость, что не могу выйти из машины... Белое пятно передо мной, будто я

ослепла и ничего не вижу... Мне холодно, дай мне твой плащ.

Феодора мгновенно облачилась в плащ Игоря, на шею накинула его длинный вязаный шарф и нахлобучила на голову его широкополую шляпу. Все это Феодора проделала так быстро, будто опасаясь чего-то. Игорь посмотрел на нее, покачал головой и хихикнул, но тут же осекся, заметив, что она вот-вот упадет без сил. Он подхватил ее на руки и понес домой, ласково бормоча ей колыбельную из проклятий городу:

– Кто ж из тебя все соки-то вытянул? Вот проклятый город! Стресс за стрессом! Нет, надо перебираться на лоно природы, поближе к матушке-земле.

Около входной двери в их квартиру она очнулась, отстранилась от мужа и зашла за ним в гостиную. Потом долго стояла перед зеркалом, вглядываясь в свое отражение, словно изучая свой силуэт в мужском одеянии.

– Тебе помочь раздеться?

Игорь хотел заглянуть ей в глаза, но она увела взгляд, побледнев как снег, резко отшатнулась от него и юркнула в ванную комнату.

5. Видение своего греха

В ванной комнате Феодора открыла краны с водой и стояла, смотрела, как наполняется ванна. Вдруг вспомнила, как заказчик целовал ее, поморщилась, стала разглядывать свои руки, принюхиваться. Потом разом сбросила с себя всю одежду и в испуге оцепенела перед зеркалом: в зеркальном отражении ее тело походило на тело старой сморщенной трясущейся карлицы. Вокруг карлицы, оцетинив клыки, стояли три мерзопакостных уродливых пса, готовых растерзать любого, кто подойдет к их хозяйке – их собственности. По свежим ранам от укусов на ногах и руках карлицы можно было догадаться о недавней схватке псов с хозяйкой.

Пар от горячей воды стал заволакивать зеркало, и отражение карлицы исчезло. Феодора перевела дух, но не двинулась с места – стояла, будто предчувствуя что-то. И действительно, скоро послышалось алчное рычание и довольное повизгивание. Феодора не удержалась и коснулась ладонью зеркала, слегка убрав поволоку, и тут же громко вскрикнула от увиденного – карлица стояла с подрезанной веной, кровь капала в миску, а псы лакали ее кровь из миски.

На крик прибежал Игорь, распахнул дверь в ванную и вопросительно посмотрел на Феодору:

– Ты кричала! Что случилось?

– Нет-нет! Не смотри на меня, я – карлица, я – уродина!

Феодора не знала, куда деться от взгляда Игоря, и с ужасом смотрела прямо ему в глаза. Игорь с позиции художника окинул взглядом обнаженную фигуру жены и заулыбался в восхищении, не удержался и сделал пару снимков на смартфон; а она поняла, что выглядела, как и прежде, и что Игорь не замечает перемены. Вот только в зеркале по-прежнему отражалась уродливая карлица, кормящая своей кровью ненасытных псов. Игорь заметил ее настороженные косые взоры в зеркало и решил заглянуть в него, даже не предполагая, что может в нем увидеть!

– Интересно! Что такого «ужасного» и притягательного ты видишь в этом зеркале? Покажи мне!

Но не успел Игорь перевести взгляд, как Феодора выхватила из рук мужа смартфон и швырнула точно в зеркало. Зеркало треснуло и кусками осыпалось на пол. Острые, как иглы, стеклянные брызги обожгли ее тело. Феодора закрыла лицо руками и опустила голову, но и сквозь пальцы видела в разбросанных по полу осколках зеркала отражение карлицы, умиряющей воинственных псов.

Боясь, что Игорь тоже может увидеть в осколках это уродливое, но завораживающее зрелище, Феодора принялась топтать острые обломки зеркала. И топтала их с таким остервенением, словно ей нравилось доставлять себе боль. В кровь порезав ступни ног, разбросав по углам ванной комнаты остатки растоптанного зеркала, Феодора с наигранной радостью и явным удовлетворением прыгнула в уже запол-

нившуюся пенящейся водой ванну.

Пока шел танец «измельчение осколков зеркала», Игорь не проронил ни слова: он будто был заморожен. Теперь же он очнулся, трезво оценил ситуацию и как можно спокойнее обратился к Феодоре, которая бледнела с каждой секундой:

– Танец был великолепен, но ты вся в крови, а вода горячая – это чревато еще большей потерей крови, и так-то вон сколько натекло.

– Что ты сказал? Повтори. Я вся в крови?

– Да. Ты вся в крови!

Глаза у Феодоры заволокло туманом, она потеряла сознание и ушла под воду.

†

Ей чудилось, что она в туманном лесу; чудилось, что уродливая карлица тщила вытащить ее из молочной ванны. Молоко было розового цвета от крови. «Да это от ее крови розовый цвет!» Она осмотрела свои пораненные ноги и руки. Ужасные раны зияли на ногах и на левом предплечье, но раны уже не кровоточили. Карлица между тем вынула из ванны пробку, и кровавое молоко ручейком побежало по земле. Псы кинулись лакать из ручья. Скоро ручей высох, и псы подошли к лежащей Феодоре и сталилизывать ее раны... И тут туман рассеялся, и она очнулась....

6. Уход

Феодора лежала дома на кровати, а врач обрабатывал ее кровоточащие раны и общался с ее мужем. Они думали, что она еще без сознания, но она уже наблюдала за ними сквозь слабо приоткрытые веки.

– Игорь Феодорович, это последняя ранка. Она уже вне опасности. Я сделаю ей еще один укол – успокоительный со снотворным. Через сутки, когда она очнется, вы дадите ей вот эти две таблеточки. Она опять заснет. Ну а когда проснется, то будем надеяться, что она все забудет и не вспомнит ничего... что тут произошло... Только вы зеркало купите, точно такое же... точно такое же...

Доктор аккуратно ввел лекарство в вену, заглянул в зрачки, с восхищением окинул взглядом ее тело, нервно вздрогнул, видимо, вспомнив о своей чрезмерно растолстевшей супруге, и укрыл засыпающую пледом. А в сознании Феодоры, как заевшая пластинка, все крутилась последняя фраза доктора, сказанная им со шприцом в руках: «Точно такое же... точно такое же...» Бормоча про себя эту фразу, она и уснула.

†

Туманная бездна вновь поглотила Феодору и, обдав ледяным дыханием потустороннего мира, бросила на лед замерзшего озера. Феодора лежала, замурованная во льду, со всех

сторон окруженная такими же вмерзшими в лед напуганными молчаливыми людьми. Карлики, карлицы и калеки в окружении страшных злых псов ходили по льду, разыскивая своих альтер эго и альтера парс. И если бы кто и вырвался из ледяного плена, то псы, наверняка, тут же набросились бы на него.

Феодора сделала невероятное усилие и, подавшись всем телом вверх, сломала ледяной панцирь, сковывавший ее движения.

†

Феодора открыла глаза – она была не на льду замерзшего озера, а у себя дома. Все ее тело было в поту, дыхание – нервное, частое; сердце билось в груди так сильно, что она вздрагивала при каждом ударе. Между незаконченных картин Игоря на антикварном столике рядом с мольбертом стоял хрустальный стакан с молоком и лежали две продолговатые розовые таблетки. На полу около столика валялась записка. Феодора подняла записку и прочла шепотом, едва шевеля губами: «Дать выпить, как проснется». И тут же Феодора вспомнила слова доктора: «Точно такое же... точно такое же...» «О чем он говорил?» – подумала она, но, как ни напрягала память, ничего не могла вспомнить.

Она обошла квартиру, давно превращенную мужем в художническую мастерскую. Везде лежали стопки набросков, стояли начатые и незаконченные полотна картин. Почти

на всех полотнах была изображена Феодора, порой весьма в откровенных символических позах с надуманных ракурсов. «Ничего оригинального!» – мелькнуло у нее в голове. Но вдруг взгляд ее упал на работу мужа, ранее не знакомую ей. Это был набросок на большом холсте. На нем Игорь изобразил Феодору, смотрящуюся в треснувшее рассыпающееся зеркало. Причем лишь несколько осколков скользили вниз по плоскости рамы, а остальные уже упали и лежали у ног Феодоры. Феодора перевела взгляд с картины на пол. Нарисованный пол на картине незаметно переходил в реальный пол, прямо на котором картина и стояла. Рядом с нарисованными на картине осколками зеркала, на настоящем полу, как бы продолжая картину, лежали подлинные, забрызганные алой краской, как кровью, зеркальные осколки... Задумка Игоря была проста, но весьма действенна на того, кто захочет рассмотреть картину вблизи. Разглядывающий картину не увидит лица изображенного смотрящимся в зеркало – тот нарисован со спины, а отражения в зеркале нет – зеркало-то разбито. «Духовное опустошение». Но осколки лежат у ног разглядывающего картину, и волей-неволей, но он бросит взгляд в эти осколки и, конечно, увидит свое отражение; происходит как бы идентификация смотрящего картину со смотрящимся на картине в рассыпающееся зеркало. Нет, не «Духовное опустошение», а «Самоопустошение» – вот название для этой картины.

Вглядевшись в один из осколков, Феодора увидела смор-

ценное старушечье лицо, но смотрела на нее старуха взглядом самой Феодоры, то есть будто это старуха и была Феодора! И взгляд этой старухи был вопросительно-ожидающий, толкающий Феодору на искупительный поступок, на очищение – невыносимая, нестерпимая боль таилась в этом взгляде.

За какое-то мгновение все случившееся с Феодорой промелькнуло у нее перед глазами: шпильки, машина, перчатка, лобзание неизвестного в маске, пробка в тоннеле, разбитое зеркало в ванной и прыжок в горячую пенящуюся воду.

Феодора обвела мастерскую быстрым решительным взглядом. Легкое посапывание доносилось из-за ширмы – это спал Игорь.

– Духовное опустошение. Умаялся, наверное, рисуя этот шедевр.

Она не будила Игоря, она просто шептала вслух некоторые свои мысли, оживляя воспоминания, для того, чтобы вспомнить все, для того, чтобы ничего не упустить, ничего. И Феодора вспомнила про доктора и про таблетки, вспомнила, как тот, делая ей инъекцию, говорил, что эти две таблетки надо выпить, как она проснется, и что тогда она уж точно все забудет.

– «И она все забудет...» Нет, и он все забудет!

Феодора под села к Игорю на кушетку и, приподняв ему голову, тихо, чтобы не разбудить, но твердо, как маленькому заартачившемуся ребенку, приказала проглотить таблетки.

– Глотай... глотай! А теперь запей, вот так. Это поможет снять стресс, ненужное напряжение и усталость.

Игорь проглотил и запил таблетки, так и не проснувшись. Феодора, взяв лист бумаги, начала писать записку. Написала несколько слов, зачеркнула, перевернула лист, написала целое предложение, но, перечитав, тоже зачеркнула, скомкала бумагу и бросила в корзину. Походила по комнате, остановилась, схватила лист, быстро что-то написала и несколько раз вслух прочитала написанное.

– Чтобы нам быть вместе, я должна уйти! Чтобы нам быть вместе, я должна уйти...

Вдруг Феодора вскрикнула от осенившей ее мысли и порвала в клочки и эту записку. Она подошла к последней незаконченной работе Игоря и стала быстро, словно по наитию и будто боясь спугнуть или запечатлеть явленный ей образ, углем дописывать картину, при этом не переставала шептать Иисусову молитву...

†

За окном занимался рассвет. Солнечный луч разбудил Игоря. Он открыл глаза и от испуга тут же закрыл – прямо перед ним, впери в него прожигающий душу взгляд, стоял монах, перебирая четки и произнося Иисусову молитву.

Игорь сполз с кушетки и почти на ощупь, подглядывая одним левым глазом, и то только в пол, дополз на четвереньках до ванны, открыл воду и сунул голову под струю.

Вода была ледяная, но это и надо было Игорю сейчас. Он вспомнил, как фотографировал с мансарды небывалую пробку перед тоннелем, вспомнил, как собирал осколки зеркала, вспомнил, как рисовал смотрящуюся в разбивающееся зеркало, вспомнил, как раскладывал под картиной настоящие осколки, и вспомнил, что придумал название для своего шедевра и что сделал надпись прямо на полу под картиной. Но монаха он не мог вспомнить. Не было монаха!

Игорь вынул голову из-под струи воды – монах исчез, растворился в воздухе. Игорь вышел из ванной и приблизился к картине, смотря на пол. Нашел сделанную им надпись.

– Идентификация отражения... Оп-па! А это когда я нарисовал? Странно! Не я это рисовал, не я. Зеркало же было разбито, а тут отражается? Прямо русский лубок. Так, «потоптано и поклевано при дороге»... Ха, и нарисованы птички, что клюют семя, брошенное при дороге. Еще подпись: «Засохло на камне». Ну, это понятно! А тут что за рассада? А! «Терние заглушило Божие слово». Так, и последняя надпись по кромке одежды инокa: «Добрая земля – плод сторичный».

Игорь стал более тщательно рассматривать подпись на рясе монаха. Буквы были написаны старым церковнославянским шрифтом.

– Шрифт красивый, старинный! А где осколок зеркала? Я же точно помню, что положил его здесь у картины, так задумано! Неужели в мусорной корзине?

Но в мусорной корзине лежали лишь два скомканных листка; Игорь достал их, развернул.

– «Дорогой!» и зачеркнуто; а тут: «Игорь, прости, но мне необходимо...» – и все? Что необходимо? Испортить картину? Хотя, с другой стороны, совмещение нескольких стилей, форм и жанров – весьма оригинально. Весьма. Нет, это не эклектика и не паноптикум! Нет! Тут есть не только мысль, но и эмоция. Но... Но это надо еще довести до единого впечатления... Да и понять, что тут зашифровано! Надо будет с Феодорой к ее знакомой игуменье съездить и показать картину. Да, это хороший рекламный ход! А где Феодора?

Он вспомнил, наконец, и про жену! и сразу покраснел и вспотел одновременно. Открыл шкаф, но все вещи на месте. В чем ушла и куда? В такую рань? это не в ее привычках!

Тут Игорь заметил на полу разбросанные клочки бумаги. Он стал их собирать и складывать как мозаику, желая прочесть разорванное послание от жены. Он был уверен, что это письмо от Феодоры. Сначала у него сложилось: «Я должна быть вместе...»

– Что за ерунда! Еще чего не хватало! С кем ты должна быть вместе? Не поверю!!!

Игорь принялся ползать по полу мастерской и нашел еще несколько клочков от письма; стал их составлять заново. Руки дрожали, пот струился по лицу, но он усердно решал кроссворд, заданный ему его женой. Теперь у него получилось: «Я должна уйти».

– Куда уйти? А? От меня уйти? Зачем, зачем...

Он снова все перемешал, поискал и нашел еще один клочок, и когда составил, то получился ровный лист бумаги. Сомнений не было – именно это она и написала: «Чтобы нам быть вместе, я должна уйти». Игорь сел на корточки посреди мастерской и закрыл лицо руками, словно прячась от многочисленных Феодор, смотрящих на него с его же полотен.

Он сидел, раскачиваясь, закрыв лицо руками, и все повторял и повторял единственную строчку из письма его жены...

– «Чтобы нам быть вместе, я должна уйти»... Чтобы нам быть вместе, я должна уйти...

7. За советом к игуменье

В Надвратной церкви Введенского монастыря игуменья Марфа стояла перед Богородичной иконой, перебирая четки. Рядом с ней на коленях стояла рыдающая Феодора.

Слушая рассказ Феодоры, игуменья видела глубокое и искреннее раскаяние в содеянном, но не прерывала ее, а терпеливо ждала окончания рассказа. Едва Феодора отплакалась, успокоилась и, казалось, отвлеклась и забылась, как игуменья словом вернула ее в действительность.

ИГУМЕНЬЯ

Я поведаю тебе историю одного человека, который содеял страшный грех и так сильно раскаявался, что едва не совершил еще более страшный, непоправимый грех. Хотя и нет такого греха, что не простил бы Господь, потому как милость его безмерна и покрывает все наше нерадение, проказы, греховные помыслы и сами грехи при условии искреннего и бесповоротного раскаяния.

ФЕОДОРА

Сравнится ли что с моим грехом! Сравнится ли, матушка!

ИГУМЕНЬЯ

Не в сравнении дело, а в осознании греха. Слушай. Жил

простой монах в обычном монастыре. Правда, красив он был на личико неимоверно, и голос имел звонкий и нежный, как... как... у ребенка. Это позже все узнали, а до поры до времени монах этот вовсе не говорил, только слушал и иногда кивал головой в знак согласия. Историю жизни его никто не знал, ведь попал он в тот монастырь после того, как...

Игуменья запнулась, тень пробежала по ее старческому лику.

ИГУМЕНЬЯ

...как чудом спасся. Это было в смутные безбожные времена, когда церкви взрывали, монастыри закрывали, разграбляли... Страшно вспомнить, что творилось. Послушание у него было книжное, то есть он заведовал монастырской библиотекой. Знал несколько языков, и почерк был у него изысканный. Монахи звали его брат Олег. В смутные времена тот монастырь был одним из немногих, что не закрыли.

ФЕОДОРА

Матушка, ты не сказала, как он спасся!.. Ты сказала, что чудом спасся!?

Игуменья с отрешенным удивлением посмотрела на Феодору, будто удивляясь тому, что рассказывает то, что никому

еще не рассказывала.

ИГУМЕНЬЯ

Разве не сказала? Совсем стара стала. Я уж думала, что ранее тебе рассказывала!

Сердце у Феодоры сжалось, она почувствовала, что стоит на пороге какой-то важной тайны, которую ей должна открыть матушка-игуменья, но та медлила, колебалась.

ФЕОДОРА

Да нет, мы ранее про такое и не говорили, никогда не говорили!

Матушка протянула ладонь к лампадке, что висела возле образа Серафима Саровского, и едва заметный огонек лампадки вдруг разгорелся и высветил пронзительный взгляд.

ИГУМЕНЬЯ

Чудом спасся! Да, так оно и было: чудом спасся. А что такое чудо? А? Чудо – есть чудо! И чудо есть Бог! Вот Бог и сотворил это Чудо – спас ее!

ФЕОДОРА

Как ее? Его! Монаха Олега!

ИГУМЕНЬЯ

Да, да, конечно, Олега. Олега! Так вот, тот прежний монастырь, в котором жил Олег, затопили!

ФЕОДОРА

Как затопили?

ИГУМЕНЬЯ

Тогдашняя власть шла против Бога во всем. И в безумии своем стала поворачивать реки вспять. Не слышала про такое?

Феодора в недоумении и растерянности покачала головой.

ФЕОДОРА

Реки вспять? Это невозможно... Зачем?

ИГУМЕНЬЯ

Не слышала! И хорошо, что не слышала.

Матушка встала, походила по келье, остановилась перед иконой Серафима Саровского и зашептала молитву... Окончив молитву, перекрестилась несколько раз и посмотрела на Феодору. Феодора, упав на колени, омывала слезами ножки Христа на распятии, стоявшем в углу кельи, прямо напротив окна.

ИГУМЕНЬЯ

Перегородили реку, а набежавшая волна затопила 800 сел и 12 монастырей. Образовалось, говоря по-научному, искусственное море, скрывшее под водой избы, пастбища, монастыри, кельи...

Феодора уже не плакала, а лишь широко раскрыв большие глаза, смотрела на старицу.

ФЕОДОРА

Господи Иисусе Христе Сын Божий, спаси души безвинно затопленных...

ИГУМЕНЬЯ

Да в деревнях-то тех уж почти и не было никого: война, голод, создание колхозов, новая война и так далее... Ну а тех немногих, что еще держались, жили, тех отправили на рытье канала. То есть из пяти с половиной миллионов человек, что жили на месте искусственного моря, осталось к моменту затопления всего-то человек триста. Вспоминать страшно, но надо... Никто и не жил раньше без ежедневной молитвы к Господу и без еженедельного причастия. Потому что страшно предстать перед Господом без исповеди, а тогда могли убить даже в церковный праздник. Да и затопления начали на Пасху... Олег и Ольга попали под затопление, ко-

гда, забравшись на колокольню, звонили в колокола – в Пасху всем разрешается. Ольга – сестра Олега. Они были близнецами и не могли долго друг без друга... У Ольги были отменные косы, почти до пят... Эти косы и спасли ее – за поваленное дерево замотались и удержали Ольгу на воде. Дерево прибило к островку, на котором был скит монаха-отшельника. Вот этот монах и вытащил Ольгу из воды; срезал косы, что не дали ей утонуть, но которые уже служили оковами. Срезал оковы и спас ее. Жизнь в ней едва теплилась, но монах умолил Бога, и чудо свершилось – Ольга вернулась к жизни. Когда она очнулась в келье, то ничего не помнила: кто она и что с ней стряслось? Но когда подошла к чану с водой и увидела свое отражение, то вспомнила о брате. Так они были похожи, что ей показалось, что брат смотрит на нее. «Олег. Где брат мой Олег?» – это были первые ее слова после воскрешения.

ФЕОДОРА

И что, нашла она брата?

ИГУМЕНЬЯ

Нет. Она сама стала братом Олегом. Отшельник, опасаясь надругательства над ней от разбойников в кожанках, одел ее в монашескую рясу. Это спасло ее, но погубило отшельника. Он знал, что должны были приплыть комиссары, и приготовился. Он постриг Ольгу в монахини и повелел ей жить под

именем Олег, скрывая ото всех, что она не мужчина, а женщина. Он говорил: «А то узнают – обязательно надругаются! У них мандаты на приватизацию девиц имеются!»

ФЕОДОРА

И что Ольга?

ИГУМЕНЬЯ

Она так сильно тосковала по брату, что без особого труда преобразилась в него, то есть представила, что он – это она. Ольга была худенькая, как подросток, да к тому же наголо подстрижена и со шрамом от шашки через всю голову, что получила при затоплении церкви. Думая о родном брате, она представляла в воображении своем разные ситуации того злополучного затопления, когда они расстались. Она ведь ничегошеньки не помнила – так долго ее носило по волнам, что все стерлось из памяти. Везде ей виделась тень брата. И вот настала ночь, когда она не удержалась после ночной молитвы и стала гадать на брата по древнему деревенскому обычаю: капала расплавленным воском в воду и разгадывала получившиеся фигурки... В одной фигурке она увидела себя и брата, который заносил над ее головой казачью шашку. Фигурки «рассказали» ей все о ее злодействе. И она поверила, что, увернувшись от шашки, смертельно ранила брата. Думая, что это и есть правда, и что брата нет в живых, она решила утопиться. Монах спас ее от этого страшного греха...

Ему было видение тех событий, и он рассказал Ольге: когда Олег заметил, что сестра запуталась косами в ветвях дерева, то стал рубить ветки, но шашка в неумелых руках отскочила от ствола и полоснула Ольгу. Набежавшая волна унесла Олега в темноту... Вот как все было на самом деле... Ей легко было скрыть, что она девица, тем более, что она уже тогда любила только Бога. Монах успел подготовить ее к будущим испытаниям: он говорил, что придут разбойники и увезут его рыть канал. Приехавшие комиссары не смогли увезти сразу двоих, так как в лодке не было места, и в ненависти сожгли келью, испортили продукты и оставили Ольгу на острове, думая, что в следующий раз увезут. Глумились: «Если твой Бог есть, то выживешь». А через несколько дней из мужского монастыря, что остался незатопленным, приплыл на лодке инок за отцом Серафимом, да нашел только молодого исхудавшего монаха. Так Ольга оказалась в мужском монастыре.

ФЕОДОРА

И никто не догадывался, что она не мужчина?

ИГУМЕНЬЯ

Через двадцать лет инок, тот, который вывез Ольгу с острова, стал игуменом, и Господь через ангела во сне открыл ему тайну этого монаха Олега. Игумен поговорил с Ольгой и... никому ничего не сказал. Только после этого разговора тот монах Олег из мужского монастыря исчез, а в женском

монастыре появилась новая пожилая монахиня...

ФЕОДОРА

Вы ее знали? Как ее имя?

ИГУМЕНЬЯ

Я и сейчас ее знаю! И имя у нее, как и у меня – Марфа.

Феодора упала было к матушкиным ногам, но та подняла ее, обнажила свою голову и показала шрам на затылке. Феодоре почудилось, что она видит, как шашка скользит по косам Ольги, оставляя кровавый след... Игуменья надела клобук и подошла к иконе новомучеников.

ФЕОДОРА

А про отца Серафима, который вас спас, так ничего и не известно?

ИГУМЕНЬЯ

Он работал на строительстве как политический заключенный – канал рыл!

ФЕОДОРА

Какой канал, для чего? Он рыл канал?

ИГУМЕНЬЯ

Беломорско-Балтийский канал! Да нешто их мало было-то, каналов! Ведь хотели вспять великую реку пустить. Бог создал, а они разрушали! Ах, какие земли, какие святыни разрушили, а что не разрушили, то водой залили. И вода, говорят, там мертвая.

ФЕОДОРА

Реки вспять! Разве это возможно? Он рыл канал, чтобы повернуть реки вспять! Кому это надо?

ИГУМЕНЬЯ

Видно, еще не время для открытия тайны. Как нельзя женщине вечно притворяться мужчиной... Все тайны открываются по мере необходимости и возможности спасти попавшегося в дьявольские силки.

Игуменья как-то по-особому посмотрела на Феодору, зажгла свечу и отдала ей. Феодора приняла свечу, и дрожь пробежала по всему ее телу до кончиков пальцев на ногах.

ИГУМЕНЬЯ

Скажи мне, что тебе показалось необычным и даже противным в облике и поведении соблазнившего тебя? И в его спутнице?

Вопрос был для Феодоры неожиданным, ведь она уже

решила, что все рассказала и не будет более вспоминать об этом, а старица, которой она открыла свою душу, посыпает рану солью! Феодора попыталась уйти от неприятных воспоминаний.

ФЕОДОРА

Ну, зачем? Я уже все рассказала!

ИГУМЕНЬЯ

Ты рассказала о себе, о своих переживаниях, а я прошу тебя вспомнить и описать тех, кто тебя толкнул на грех.

В словах старицы было столько твердости и мягкости одновременно, что Феодора поняла, что эти воспоминания нужны прямо сейчас, когда она стояла на коленях со свечой в руках перед святым распятием.

ФЕОДОРА

У спутницы был чрезмерно откровенный облегающий тело наряд и странный назойливый размеренный стук тонких стальных шпилек. Она издавала этот стук при ходьбе, и даже когда стояла и разговаривала со мной – била ножкой по мостовой и словно говорила кому-то неведомому: «Я здесь, я здесь!»

ИГУМЕНЬЯ

А запахи? Странного запаха не учуяла?

Феодора взглянула удивленно на старицу и поморщилась, точно ощутив тот гнилостный запах.

ФЕОДОРА

Да, матушка, как это я забыла! Она все вокруг меня ходила, шпильками выстукивая, и пахло от нее гнилым болотом. Как будто мы на туманном гнилом болоте стояли... Только этот размеренный стук стальных шпилек...

ИГУМЕНЬЯ

Стук шпилек – это для хозяина. А сам он как выглядел? Что особенного ты заметила?

Свеча в руках Феодоры разгорелась так сильно, что, казалось, должна была ослепить своим ярким высоким пламенем кающуюся грешницу. Но Феодора не чувствовала огня, воспоминания о содеянном нахлынули на нее таким жаром, что она в то же мгновение лишилась чувств.

†

И опять оказалась Феодора на замерзшем озере во льдах. Это было продолжение того последнего видения Феодоры, когда она, сделав невероятное усилие, сломала лед и смогла приподняться из ледовой могилы... Но тогда видения резко

оборвались, и она оказалась у себя дома, а сейчас...

Сейчас по льду озера с разных сторон к ней бежали карлики, уродцы и ошестинившиеся собаки. Правда, теперь она была не одна – рядом с ней стояли парень и девушка в монашеских одеяниях. Они помогли Феодоре подняться, потом запрыгнули вместе с ней в ледяные сани и, увлекаемые собачьей упряжкой, быстрее ветра помчались на санях по озеру.

Матушка со старцем Серафимом и с ангельским войском вели битву с силами зла, освобождая души вмерзших в лед.

†

Когда Феодора очнулась, то увидела матушку-игуменью, которая, склонившись над ней, пристально смотрела в ее глаза. Матушка обрадовалась, что Феодора очнулась, и, чтобы не утомлять ее, отослала сестер из кельи.

– Очнулась. Это радостное известие. Три дня проспала. Помнишь что-нибудь?

– А что? Что-то случилось? И... где я?

– В монастыре. Ты пришла после встречи с тем, кто сделал твоему мужу заказ. Здесь ты упала в обморок... Битва за тебя идет.

– О!.. Кому ж я такая нужна!

– Божье создание мешает нечистому. Вот и битва идет! Поле битвы – сердце человека. Приходил, да ушел ни с чем! Чистое у тебя сердце.

– Заказчик приходил?

– Да, мы его с сестрами не видели, но чувствовали запах и слышали стук шпилек. Все, как ты рассказывала. Жуть. Страшно было, но молитва к святым угодникам спасла, охранила и нас, и тебя.

– Так он что же, так и ушел ни с чем?.. Ох, подвергаю я вас опасности. Выяснил он, верно, что я здесь, и что-нибудь придумает пакостное, чтоб заполучить меня.

– Но мы-то рядом!

– Вы не поможете. Я знаю: уже имела с ним дело. Он все так повернул, что я думала, что спасаю близких, а на самом деле... Матушка, я должна сама его одолеть. Самое необходимое возьму в дорогу, но чтоб никто не видел, что я взяла и зачем.

– Да ты на ногах еле стоишь. Как ты это мыслишь?

– А я уйду от него и схоронюсь, пока не окрепну... А когда уж окрепну, то он сам меня побоится.

– Помни, что он мысли твои прочитывать не может, но слова все твои услышит.

– Потому с этой минуты у меня обет молчания. Только еще одна просьба, матушка.

– Говори, я исполню.

– Меня надо постричь наголо и одежду сменить.

– Иди за мной. У нас есть профессиональный цирюльник.

8. Пятидесятый псалом

Через полчаса Феодора, облаченная в длинный, до пят, черный подрясник, старую потертую рясу, скуфью и с вервицей на запястье, выходила из ворот женского монастыря. Как раз в этот момент к воротам подъехала знакомая Феодоре машина, а в ней были Игорь и Анна Тасс. Заметив их первой, Феодора стремительно развернулась, вбежала назад в ворота и схоронилась в ближайшей нише монастырской стены.

Сердце ее бешено колотилось, но внешне она была спокойна и невозмутима, даже когда слушала разговор Анны Тасс с дежурной монахиней.

- Нам бы хотелось переговорить с игуменьей Марфой.
- Вы договаривались о встрече?
- Нет, то есть, конечно, договаривались, но это было не вчера и не сегодня, а значительно раньше.
- А по какому...
- Вопрос о меценатской помощи монастырю.
- Проходите, но вам надо будет подождать около часа, когда игуменья освободится.
- Нет проблем, мы вот на той скамеечке подождем.

Феодора видела, как Анна Тасс вместе с Игорем направились к скамейке, которая была в десяти шагах от нее. Еще несколько шагов – и они увидят ее. Феодора открыла молитвослов, подаренный игуменьей, и стала читать пятидесятый

псалом. Игорь и Анна Тасс уселись на скамейку и уставились прямо на нишу в монастырской стене, где пряталась Феодора. Они говорили о ней, но не видели ее, хотя она была прямо перед ними как на ладони. Анна Тасс лихорадочно постукивала по камню каблучком-шпилькой, а шарф на ее шее, будто живое существо, принюхивался и прислушивался.

– Игорь Феодорович, она здесь, здесь, я чувствую, что здесь.

– Тогда нам, может быть, лучше уехать. Она сама придет.

– А как ваш заказ? Вы же не сможете без нее работать.

Игорь хотел что-то возразить, но подошла монахиня и пригласила их к игуменье на встречу.

†

Как только они скрылись, Феодора немедля вышла из ниши и быстро направилась к воротам, но там она увидела машину мецената, которая перекрывала выход из ворот. Дверца была открыта, и в темном проеме угадывался знакомый силуэт заказчика. Феодора зашептала пятидесятый псалом, который уже выучила наизусть, пока хоронилась в нише монастырской стены, и, выйдя из ворот, не останавливаясь, пошла прямо на автомобиль.

Время для Феодоры будто растворилось в пространстве, каждая секунда растянулась и стала длиннее в десять раз. На каждый шаг она тратила столько сил и эмоций, сколько требуется для преодоления нескольких километров. Ав-

томобиль неумолимо и неотвратно становился все ближе и ближе. Вдруг из темного проема двери показалась рука мещената с букетом алых роз и швырнула розы прямо к ногам Феодоры. Цветы рассыпались вокруг Феодоры. Она остановилась в оцепенении, забыв про псалом, забыв про монастырь, забыв про все, подвластная необузданному сладкому недугу страсти, готовая опять прыгнуть в темную бездну, распахнувшую перед ней свои объятия.

†

Феодора точно перенеслась в восемнадцатый век и стояла на набережной Зимней канавки в нескольких шагах от вычурной кареты заказчика. Ей оставалось пройти еще несколько шагов до кареты, но она не успела сделать и шага, как послышался колокольный звон.

Это звонили ко всеобщей. Время скрутилось и приобрело свой обычный размеренный бег.

†

Исчез век восемнадцатый, и карета снова стала автомобилем.

При первых звуках колокола дверца машины резко захлопнулась, как от порыва ветра. И в следующее мгновение холодящий душу звериный рык раздался из салона авто. Рык был такой нечеловеческой силы и гнева, что машину затрясло и подбросило, стекла вылетели все разом, двигатель взре-

вел, и автомобиль, рванувшись с места, устремился прочь от колокольного звона. Феодора вышла из оцепенения, оглянулась, все вспомнила, перекрестилась и первый раз за последние три дня вздохнула полной грудью легко и свободно. Это первый раз за последние дни! Потом она спокойно и уверенно пошла по обочине дороги от монастыря.

†

Дойдя до перекрестка, Феодора свернула с дороги на тропу, ведущую к лесу.

Тропинка петляла по дикому, заросшему репейником полю, огибая валуны и пересекая маленький едва заметный родничок. Испив воды из родника, Феодора пошла дальше и скоро скрылась за лапами вековых деревьев.

Родник, из которого только что напилась Феодора, вдруг преобразился: пошипел, поурчал – и ударил вверх сильной и мощной струей.

9. Приход Феодоры в монастырь

С первыми лучами солнца из ворот мужского монастыря вышел молодой послушник и, подойдя к скамейке, что стояла близ монастырской стены, стал будить спящего на ней человека. Послушник сильно заикался, когда выговаривал букву «т» в словах, поэтому одна фраза растягивалась им на целый песенный куплет.

– Мужчина, вст-т-т-т-та-авайт-т-теэ. Эт-т-то вы ночью ст-т-т-тучались?

– Я.

Феодора ответила машинально, открыла глаза, перекрестилась сама и непроизвольно перекрестила послушника, но еще окончательно не проснулась и смотрела на послушника непонимающим взглядом. Послушник стоял, ошарашенный крестным знаменем Феодоры. Его будто полоснуло огненным мечом, яркая вспышка на секунду опалила его сознание, и мысли с ранее ему неведомой скоростью забегали под темечком, и он засмеялся открыто, по-детски, а когда успокоился, то подсел на скамейку к Феодоре.

– Ну и смешной же ты, брат, когда спишь. Ха-ха. Игумен у нас очень строгий. Ты скажи мне, чего хотел, а я передам твою просьбу игумену.

Но Феодора уже проснулась и вспомнила про данный обет молчания. Послушник ждал ответа на свой вопрос, а Феодо-

ра выжидающе смотрела на него. Послушник первый не выдержал молчания и опять засмеялся – он радовался, что теперь не заикается, и ему жгуче захотелось выговориться.

– Да, смешинка на меня напала. Не хочешь отвечать, тогда сиди, жди. Я тебе есть вынесу.

Феодора раскрыла от удивления глаза, что послушник расценил как молчаливый вопрос и доверительно поведал.

– Алексей я... Имею послушание ходить раз в неделю к старцу Серафиму в дальнюю пустынь. Он старенький и никого видеть не хочет, да и не может. Он молится там за нашу обитель. Там тихо, ни одной живой души, только зверье разное. Вот к зверью он выходит, чтобы покормить зверушек. Не поверишь, но к нему даже медведь ходит. Говорят, что когда отец Серафим был еще молодым, то шел в рождественскую ночь по лесу, да заплутал и провалился в берлогу. Это спасло его, а то замерз бы в лесу. А так он очнулся в медвежьей берлоге рядом с брошенным медвежонком. Потом он выбрался из берлоги, добрался до своего скита и выходил медвежонка... Давно это было, но тот медведь, говорят, еще жив и навещает старца. Правда, я только следы видел, а так чтоб прямо лицо к лицу, то есть морда к морде, то есть лицо к морде, так мне не приходилось еще с ним сталкиваться. Ну, вот ты и заулыбался! Значит, слышишь меня. Так, когда я пойду к старцу, то и к тебе заверну – еду занесу.

Послушник вернулся в монастырь, а Феодора заметила в отдалении в стороне от ворот скамейку и отправилась к ней.

Скамейка оказалась вовсе и не скамейкой, а бревном. «Когда-то это было дерево, – подумала Феодора. – И просто-яло это дерево лет двести, а то и больше! Срубили его люди, притащили сюда, а тут про него забыли. Но бревно не сгнило, а вросло в землю, и молодые побеги взошли из его ствола и окрепли. И теперь можно присесть на него и облокотиться о молодые деревца». Феодора села и стала ждать послушника Алексея.

Она пыталась понять: почему послушник принял ее за мужчину, желавшего подвизаться в монастыре? Почему она, хотя и видела искреннее заблуждение послушника, не поправила его, промолчала? Почему? Сейчас она задавала эти вопросы сама себе и не находила на них четкого ответа. Ясно только одно, что она дала обет молчания и теперь должна молчать несмотря ни на что. Это начало искуса – испытания перед открывшимися горизонтами новой жизни. И не случайно послушник рассказал про медвежонка. Эта рождественская история про медвежонка, которого спас старец, запала ей в душу. Ей вдруг неудержимо захотелось увидеть этого старца, оказаться в том сиянии, которое наверняка от него исходит.

Феодора на все теперь смотрела по-другому, по-новому. Нет, она не оглядывалась назад на прошлое, не анализиро-

вала допущенные ошибки, она просто увидела, что вся ее жизнь до этого момента была сравнима с жизнью слепого новорожденного котенка. Котенок тычется носом в мамино брюшко в поисках молока и тепла, а наевшись, сворачивается в клубок и лежит так, сохраняя тепло и переваривая высосанное молоко. Да, так она и жила.

Теперь она прозревала. Прозревала вспышками откровения. Она вдруг увидела связь времен и поняла, что если время бесконечно, то, значит, времени нет. Значит, при желании мы можем увидеть и наше прошлое, и наше будущее. И поняла парадоксальную для мирян вещь, что будущее и прошлое целиком принадлежат настоящему и целиком зависят от настоящего, от тональности внутренней, от состояния души. Феодора ощущала необычайную удовлетворенность и покой.

10. Схимонах Серафим

Мимо Феодоры проехал на велосипеде послушник Алексей. Феодора хотела его остановить, но, выйдя на дорогу, увидела, что тот уже был достаточно далеко. «Видно, он вышел из монастыря, посмотрел, что меня нет на скамейке у ворот, и решил, что я ушла», – подумала Феодора. Она пошла вслед за послушником, надеясь, что скоро он оставит велосипед. Она точно чувствовала, что метров через сто тропинка будет усыпана камнями, и что быстрее и легче, и безопасней станет идти пешком.

Так и оказалась: скоро она догнала послушника. Послушник сидел на покореженном велосипеде и тер ушибленную при падении ногу. Он несказанно обрадовался Феодоре и заулыбался той же детской улыбкой, какой улыбался на рассвете, когда будил ее:

– Здорово! Никогда на этом месте не падал, да вот упал. И, кажется, велосипед требует ремонта... Правда, я тоже прилично саданулся. Эх, каменюгу не заметил! Да ты все молчишь! Рассказывали мне про монаха Олега из нашего монастыря – так он лет семь или десять обет молчания держал. Вот выдержка. А может, пережил такое, что и замолчал... Ты молчи, молчи и не обижайся, что я болтаю. Не могу молчать, а почему – не знаю.

Алексий встал, протянул краюху хлеба Феодоре, взял ко-

томку и пошел по тропинке. Феодора двинулась за ним. Он оглянулся, хмыкнул, пожал плечами и пошел дальше, слегка прихрамывая после падения. Так они шли около часа. Иногда послушник останавливался, что-то говорил Феодоре, но та не отвечала, тогда послушник с лучезарной улыбкой протягивал ей флягу с водой. Утолив жажду, Феодора возвращала флягу Алексею и, дождавшись, когда тот пойдет дальше, шла за ним. Послушник прихрамывал все сильнее и сильнее.

Примерно через час пути им попалась ветхая охотничья сторожка, срубленная из толстых комлевых бревен. Алексей зашел внутрь и через секунду высунул голову в маленькое оконце:

– Придется здесь передохнуть – нога жутко разболелась. До старца от этой сторожки на здоровых ногах часа два идти, а я теперь практически одноногий, так что пока доползем – стемнеет.

Феодора осмотрела ногу. Рваная рана на голени кровоточила и могла загноиться. Она нарвала подорожника, пережевала листья и смешала их с хлебным мякишем, получив старинное противовоспалительное лекарственное снадобье. Потом, произнося молитву, положила его на рану и неожиданно крепко прижала своей ладонью. Послушник ойкнул и потерял сознание.

Когда он очнулся, то нашел Феодору в той же позе, сидящей перед ним и прижимающей к его ране свою ладонь. Она

обрадовалась, что он очнулся, отняла руку от раны и вышла из сторожки наружу. Алексей посмотрел на рану, но как таковой раны уже не было, а лишь тонкая нежная розовая кожа выказывала то место на ноге, где час назад гноилась его плоть. Старинный рецепт вкупе с духовной квинтэссенцией сотворили чудо исцеления.

Вернувшись через час в сторожку, Феодора застала Алексея за молитвой, хотела тут же выйти, чтоб не мешать, но он остановил ее:

– Не уходи, брат. Я знаю, кто ты!

Феодора застыла в дверях, боясь повернуться к послушнику, а тот продолжил свою возвышенную речь в порыве откровения:

– Я не знаю, как тебя зовут, но я знаю, что ты благороднейший человек. Я не знаю, что с тобой стряслось, но я уверен, что ты искупаешь не только свои грехи, но и грехи ближних. Тебе Бог дал дар исцеления. Да, да. Этот дар у тебя от Бога!

Послушник растрогался, говоря слова признательности, и на секунду замешкался, опустил глаза, скрывая волнение, а Феодора воспользовалась этим и вышла из сторожки. Алексей поднял глаза и, не найдя Феодоры, заулыбался – он бы тоже ушел, не стал бы слушать похвалы в свой адрес!

†

Ночью Алексей никак не мог заснуть, так был возбужден. Он то вставал с постели, то вновь ложился, то подходил

к иконе и молился. Как начинал молиться, то чувствовал, что его клонит ко сну, но лишь прикладывался спать – сон тут же проходил, и он чувствовал себя так, словно уже выспался. Алексею не терпелось поговорить с Феодорой, рассказать много такого про себя, что ей и в голову не могло придти, а она все стояла на камне под сосной и молилась, молилась, молилась...

Под утро Алексей все-таки заснул, причем прямо на крыльце сторожки, да так крепко, что пришлось Феодоре перетаскивать его на постель. Перетаскивая послушника, Феодора улыбалась, сама не понимая отчего. Может, непроизвольно вспомнила, как часто перетаскивала уставшего сонного Игоря, нередко засыпавшего на стуле перед мольбертом; и та семейная практика пригодилась ей сейчас ночью в глухом лесу на полдороге к хижине святого отшельника.

†

Проснулся Алексей только в середине дня. Открыл глаза и увидел в проеме двери худенький силуэт своего нового знакомого и громадную неясную тень около него. Послушник резко вскочил, протирая глаза, дернулся к двери, но запнулся за табурет и рухнул с грохотом на пол. Когда он поднялся и подошел к Феодоре, то рядом с ней никого уже не было. На земле перед Феодорой Алексей заметил крошки хлеба и много разных звериных следов, среди которых сразу вы-

делялись два гигантских медвежьих отпечатка. Алексей за-нервничал и долго измерял медвежий след, прикладывая то свою руку, то ногу. Наконец, испуганно поднял взгляд на Феодору и тут же успокоился – светлый чистый взгляд Феодоры разрушил набежавший испуг и смятение. Алексей вернулся в сторожку, быстро собрался и вышел с котомкой – и прошел мимо Феодоры, шмыгнув носом и кивком головы приглашая ее идти за ним следом.

Они шли по едва заметной лесной тропе молча, но только до первого привала. После непродолжительной походной трапезы Алексея прорвало, и он начал щебетать без умолку.

– Когда я первый раз отца Серафима увидел, то такое же чувство испытал, как вот только что, ну вчера вечером, когда смотрел на тебя молящегося над моей раной. Ты меня спас, и он меня спас. Ты рану на теле залечил, а он гнойник из души моей извлек. И как тогда, так и теперь я будто заново родился... В монастырях есть такой искус, как многодневное стояние новичка у монастырских ворот, но не каждый его вынесет. Ты вот его миновал, пойдя за мной, и я знаю, что это неспроста, а значит, так надо. Значит, так старец Серафим захотел. Он ведь у нас авва, то есть истинный настоятель монастыря. Меня он позвал к себе и огородил от плевков и поношений, что на голову ждущего разрешения войти в обитель сыплются от братии. Ведь иногда даже камнями кидаются, прогоняя от монастырских ворот. Это чтоб случайные люди не попадали в монастырь.

Феодора слушала Алексия и думала, что псы карлицы будут пострашнее, чем добродушная монашеская братия. Видевший темные силы не убоится, а возрадуется затрещине от отца и матери.

– Ты знаешь, что я с четырех лет заикался! Как-то услышал заику и стал показывать, как тот говорит. И с тех пор так и заикался. Поэтому я редко и мало говорил, а то надо мной всегда смеялись. А ты вчера на заре осенил меня крестным знаменьем, и я с того момента и думать забыл, что такое заикание. Перепугался сначала и молчал в монастыре, не отвечал на вопросы или, как обычно, отмыкивался. Когда на велике из монастыря выскочил, то проскочил мимо тебя, боясь остановиться и заговорить... Отец Серафим предсказывал, что однажды человек, претерпевший большие страдания, снимет с меня мой грех и прогонит из моего сознания образ того заики из детства... Но я что-то много говорю, помолчу чуть-чуть, скоро придем. Вот, чувствуешь? Принюхайся. Сердцем, сердцем принюхайся. Благодать! Это – святость! Это – исходит от старца, и потому и место здесь святое. Стой! Закрой глаза и вдохни полной грудью...

Феодора еще до слов послушника почувствовала в воздухе необычайную свежесть и чистоту. И теперь она, как и просил послушник, остановилась, закрыла глаза и вдохнула полной грудью. Сердце ее почти не билось, во всяком случае, она не слышала удары сердца, словно ее телесная оболочка обрела невесомость. Она точно плыла навстречу прекрасно-

му и доселе ей неведомому.

†

Как и говорил Алексей, действительно очень скоро за вековыми соснами проглянулся деревянный куполок с крестом. Выходя из леса на луг, послушник остановился и показал Феодоре на старого филина, сидящего прямо над ними. Филин спал и не замечал их... Они дошли до скита, Алексей быстро заглянул внутрь, сбегал к озеру, но так и не нашел старца. Совсем не понимая, куда тот мог пропасть, Алексей притих, сел на скамейку возле двери и закрыл глаза.

Он только на секунду закрыл глаза, но когда открыл их, то обнаружил, что и Феодора пропала. Алексей кинулся к тому месту, где только что стояла Феодора, и увидел, как выпрямляется трава, примятая ею.

– Ты где? Только что ведь тут стоял, передо мной!

Алексей упал на траву и пополз по следам Феодоры. Он полз по траве, а трава перед ним бесшумно выпрямлялась и будто звала его и торопила. Так он дополз до ног Феодоры – внезапно уткнувшись в них. Причем для него это было так неожиданно, что он едва не закричал от испуга. Но его крик застыл в горле и не вырвался наружу – он увидел, что Феодора стоит, задрав голову вверх, и смотрит в небо. Алексей медленно поднялся – и затрепетал еще сильнее, заметив за Феодорой на траве старца Серафима. Старец лежал без движения, белесые глаза его были открыты и смотрели в небо точ-

но в ту точку, куда глядела и Феодора. Это было так странно, что Алексей внезапно успокоился и тоже запрокинул голову вверх.

Долго Алексей не выстоял и перевел взгляд на Феодору, но оказалось, что она уже лежала рядом со старцем, так же, как и старец, скрестив на груди руки. Они смотрели в небо и улыбались. Алексей чуть поколебался, а потом тоже лег рядом со старцем, скрестил руки и стал хлопать глазами, выискивая в чистом небе хоть малюсенькое облачко.

– Если вы не против, то я тоже буду лежать и смотреть в небо. Да, брат, я забыл тебе сказать, что батюшка Серафим ведь слепой! Поди уж лет пять как на него здесь злодеи напали и ослепили известью... Ты – немой, батюшка – слепой, а я, видно, просто глуп, если зрячий, а не вижу того, что видит слепой, и хоть не глухой, да не слышу того, о чем вы между собой переговариваетесь!

†

Феодора и отец Серафим медленно поднимались над землей, через облачную дымку – туда, где в потоках солнечного света они могли впитывать красоту мира, будучи его составной частью. Конечно, путешествие в заоблачный рай совершали не тела, а души Феодоры и отца Серафима. А тела их лежали на траве в умиротворенной позе, ожидая возвращения душ. Рядом с ними, похрапывая, свернувшись калачиком, спал послушник Алексей.

Феодора и Серафим переглянулись, наблюдая, как смешно ворочается во сне Алексей. Серафим не выдержал и засмеялся, обращаясь к Феодоре:

– Хороший человек. Добрый. Не может врать, но великолепный рассказчик. Он сам пока не знает, какой он рассказчик. Это его дар.

– Конечно, как он намаялся, пока всю жизнь свою заикался.

– Не всю жизнь, а лишь крохотненькую часть земной жизни. А то, что заикался... А как бы он иначе осознал радость свободного владения языком, когда ты легко можешь описать то, что чувствуешь и видишь? Только в сравнении! Он станет великолепным писателем.

– Монахом-писателем?

– Нет. Он уйдет из монастыря, воспитает своих детей, а только в преклонном возрасте примет схиму и уединится в пещеру.

– В какую пещеру?

– В ту, в которой после меня ты, Феодора, проживешь несколько лет.

– Но я не монахиня.

– Я постригу тебя в монахини. Я имею право. Я – схиархимандрит. Но жить будешь под именем Феодор, а не Феодора. Таков твой крест – до последней минуты никто не узнает, что ты женщина, а не мужчина. Сможешь?

– Я для этого и шла к вам, отец Серафим.

Алексий проснулся от отдаленного раската грома, гулкого и протяжного. Светало. Он вышел из кельи в предутренний туман. Туман был такой густой, что, сделав несколько шагов, Алексий потерял из вида скит. Он прислушался и услышал едва различимый шепот горячей молитвы. Послушник пошел на шепот. Через несколько шагов к нему из тумана, как на небесном облаке, выплыла коленопреклоненная фигура отца Серафима. Старец остановил молитву, но с камня не поднимался.

– Поди ко мне, Алексий. Собирайся в монастырь, а то после полудня будет буря. В сторожке не укрывайся, иди прямо в монастырь. Сообщишь игумену, что Феодор останется у меня жить.

– Так его зовут Феодор! А со мной не говорил.

– У него обет молчания. Да ведь ты догадался сам.

– Догадаться-то, конечно, догадался, потому что по-другому и быть не могло. И ведь это он меня от заикания вылечил, как вы и предсказывали.

– Вылечил Бог, потому что ты поверил Феодору. И Бог явил через него это чудо. Но ты не говори никому, что это чудо Феодор сотворил. Рано еще.

– Так что же мне – опять молчать?

– Ты записывай свои мысли и все то, что хочешь сказать, давай в виде письма. Считай, что это твое послушание. Вре-

менное, на год.

– А как же молиться?

– Молись со всеми, не опасайся: в молитвенном состоянии никто не услышит, что ты говоришь легко и свободно. Теперь иди и приходи через месяц.

– Как через месяц? А как же вы?

– Лебеди на озеро прилетели. А ты не видел! Поди, уж отдохнули и улетать собрались. Иди, с Богом: дорогу осилит идущий.

†

Облако тумана скрыло старца Серафима, и Алексею ничего не оставалось, как пойти в келью за вещами. На крыльце его ждала Феодора с монастырским коробом. Это все, что было у Алексея из вещей – пустой монастырский короб, в котором он приносил хлеб старцу.

– Я знаю, как твое имя. Феодор, так? Так! Мне отец Серафим сказал. Ты чего с коробом вышел? Ты остаешься здесь со старцем. А я приду только через месяц. Но буду поминать тебя, Феодор, ежедневно в молитвах... Прости, что загружал тебя болтовней!.. Интересно, чем вы тут рыбу будете ловить? Я ведь снасти только через месяц принесу!

Не дождавшись ответа, Алексей шмыгнул носом и тут же скрылся в туманной дымке, но Феодора успела перекрестить его ускользящую в туман фигуру. Алексей будто почувствовал крестное знаменье и остановился оглянуться.

Но Феодоры уже не было, зато он увидел стаю лебедей, плавающих недалеко от берега.

– Батюшка про них говорил! Вот они, красавцы!

Лебеди уже отдохнули и готовы были продолжить перелет на юг. Послушник осторожно подошел к краю озера и с нескрываемым восхищением наблюдал за грациозными царственными птицами. Лебеди взлетели и скрылись из виду.

11. Буря

Как только Алексей зашел в лес, туман рассеялся. Старый филин, услышав шаги, сорвался с ветки и пронесся прямо над послушником, слегка задев его своим крылом, будто предостерегая от чего-то. Алексей непроизвольно вздрогнул, но не остановился, а зашагал более проворно и энергично.

В коробе что-то болталось и отбивало стуком каждый шаг послушника. Он терпел этот стук, терпел, но все-таки не выдержал и прямо на ходу заглянул в короб: там лежали хлеб, ручка и блокнот. Алексей остановился, сел на ближайший пенек и сделал первую запись в блокноте. «Жизнь инокa». Это как название он поставил сверху страницы по центру. Посидел, подумал, повспоминал свою «насыщенную долгую» жизнь и вдруг быстро-быстро стал писать, будто кто-то его подгонял, нашептывал на ухо и проверял его на расторопность письма.

†

Жизнь инокa

Если бы меня спросили: зачем я пошел в монастырь? То я бы ответил, что хотел уединиться, уехать из шумного города. Да, именно уехать от злых людей – тогда я воспринимал уединение именно так. Вот уеду от всех как можно дальше,

и все-все изменится! Тогда я не понимал, что главные перемены не вне, а в нас, то есть в наших душах. Добрался до монастырских ворот, огляделся, и сердце мое забилося, затрепетало. Вот она, Россия – без суеты, криков, лицемерия – чистая и вольная. Но меня не пустили в монастырь, и я вынужден был ночевать на скамейке возле монастырских ворот.

Только я стал засыпать, как почувствовал на себе чей-то смятенный взгляд. Беспокойство охватило меня, открыл я глаза и увидел неясный эфемерный силуэт. Была черная мрачная ночь, и силуэт то проявлялся, то исчезал. А тишина стояла даже не мертвая, а звенящая. Понятно, что мне стало не до сна. Спрашиваю у плавающей темной фигуры, для чего меня разбудили. А эфемерный силуэт зовет меня за собой, молча зовет: сделает несколько шагов в сторону, остановится, качнет головой и ждет, когда я с места сдвинусь, а потом еще несколько шагов – и опять смотрит, проверяет, иду ли я. Такими перебежками мы добрались до груды камней. Гляжу я то на груды камней, то на разбудившего меня, который так и не показывает свое лицо, и никак не могу взять в толк, чего от меня хотят. И тут вдруг я вспоминаю, что часто святые такие скрытые подвиги совершали: например, переносили ночью тяжелые камни или кирпичи на гору или верхние этажи строящегося здания. Сердце мое от приступа гордости забилося в груди. «Вот, вот, – подумал я, – игумен послал ко мне монаха, чтобы испытать меня на готовность трудиться во благо монастыря». Огляделся, но, кроме монастырской

стены, ничего не увидел. Не нашел рядом ничего такого, что было бы создано трудом человека! Тогда я прямо спросил у моего молчаливого поводыря: «Если ты хочешь, чтобы я перенес эти камни куда-то, то хоть укажи это место». Тот, сделав утвердительный жест, подошел к ближайшей сосне. Я перетащил один камень, потом второй, третий – и так увлекся, что когда захотел уточнить, для чего я это делаю, оказалось, что разбудивший меня уже скрылся. Ну, думаю, и хорошо, убедился, что я все понял, и вернулся в монастырь. Теперь, думаю, из монастыря будут смотреть, как я работаю. Рассвело. И точно, в монастыре узнали про мою «тайную» работу, и многие монахи в течение дня вплоть до сумерек подходили ко мне и таращили на меня глаза, как на привидение, корчили мне рожи, а я их игнорировал. Тут бы мне и догадаться, что что-то тут не так, что-то тут неладное! Да куда там: я еще пуще напрягаюсь, дабы показать, что я за герой! А сам от усталости и без ноши-то спотыкаюсь. И все бы закончилось, как и задумал нечистый, если бы не старец Се-рафим.

Когда я подтащил последний камень, поднял его над собой и попытался возложить на самый верх возведенной мною гряды, меня вдруг закачало, повело в сторону и опрокинуло вместе с камнем навзничь. Неясные темные силуэты плясали вокруг меня, перепрыгивали через меня, будто пытаясь закрыть звезды, высыпавшие на небо.

Я лежал на спине лицом вверх, я был совершенно без сил

и безучастно смотрел, как мое детище – каменная гряда – нависает надо мной и вот-вот обрушится и похоронит меня заживо. И когда на меня сверху полетели камни, неожиданно появилась согбенная фигура старца Серафима, который крепкой хваткой взял меня за шиворот и поставил на ноги. Сияние, исходившее от старца, касалось моего изможденного лица, это я отлично помню, и камни, летящие сверху, растворялись как миражи, не причиняя нам никакого вреда. Под этим потусторонним метеоритным дождем мы простояли до рассвета, старец непрестанно молился, а левой рукой с вервицей придерживал меня от падения. При первых лучах солнца нерушимая каменная гряда лопнула как воздушный замок. Силы оставили меня, но сквозь забытие в мое сознание пробивалась молитва старца, которую он беспрерывно возносил в стоянии против козней нечистого.

Сейчас, по прошествии более шести лет, я понимаю, что не было никаких камней, понимаю, что нечистый заманил меня в ловушку, легко сыграв на моей гордыне, и я целый день занимался перетаскиванием воздуха, или, точнее, перетаскиванием эфемерной пустоты! Удивленные монахи видели мою пантомиму, пытались вразумить меня, но я их не слышал, а воспринимал их тщетные потуги остановить меня как кривляние и гримасничанье, через которые я тоже должен быть непременно пройти. И тогда игумен послал за старцем Серафимом, который и сам, предчувствуя что-то неладное, уже вышел со скита в монастырь.

Старец Серафим вырвал меня из-под inferнальной падающей каменной гряды, перетащил в свой скит и, пока выживал, сказывал истории из жизни разных людей, что встречались ему, и из своей жизни тоже многое поведал. Я не записывал за ним – слаб был настолько, что даже ручку не мог удержать – поэтому некоторые детали могу упустить, но в целом его рассказ я очень хорошо запомнил, потому что он произвел на меня ошеломляющее действие яркими эмоциональными образами. Старец укрепил мою веру.

Для ясности я приведу некоторые страницы жизни отца Серафима, потому что не могу не описать если не всю его жизнь, то хоть странички жизни, или точнее – эпизоды.

†

Эпизоды жизни старца Серафима, поведенные им самим послушнику Алексею,

который записал их по памяти не сразу, а через несколько лет

Эпизод первый: про Ольгу и Олега.

Мы были близнецами. Я родился на две минуты раньше сестры, и говорят, что не дышал эти две минуты, потому как не мог без нее ни одного вдоха сделать... Но жизнь нас разлучила. Случилось это в памятное затопление нашей деревни и близлежащих сел и деревень на Пасху в конце тридцатых годов.

Большинство жителей покинули свои дома и уехали, ведь о затоплении предупредили. Да и шло затопление поначалу очень-очень медленно, на протяжении нескольких лет, что и смущало многих, и настораживало. Кого-то вывезли насильно, а кого-то из стариков так и не нашли – не захотели те покидать свои родные места, да так, видно, и потонули. Не верили, что можно такое злодеяние совершить, думали, что пугают и хотят ограбить. Желая спрятаться от беззакония, многие залезли в подпол и... остались там навечно...

Зимой все в округе замерзло, а весеннее половодье в наших местах испокон веку было мощным и раздольным. Наша деревенька была на возвышенности, и нам с Ольгой казалось, что только при всемирном потопе церковь и колокольня уйдут под воду. Но в тот год после выюг и обильных снегопадов зима продержалась на удивление долго и вдруг резко отступила перед ворвавшейся весной. Сугробы, наметенные за зиму, начали так быстро таять, что вода прибывала с необычайной быстротой. В Пасхальную ночь открылись шлюзы наверху, то ли под непредвидимым напором воды, то ли по злему умыслу, и случилось это внезапное затопление.

По обычаю празднования Пасхи каждый христианин мог подняться на колокольню и позвонить в колокола – поделиться радостью воскресения Христа со всем миром. Мы с Ольгой забрались на колокольню в четвертом часу утра и увидели в предрассветной мгле надвигающуюся

со всех сторон воду. Вода несла смерть и разрушения. Через несколько минут только колокол на колокольне возвышался над водой. Мы стояли по колено в воде рядом с колоколом, так ни разу и не ударив в него. Неподалеку плавал старый засохший дуб, покачиваясь на водной ряби. Вдруг неожиданная волна понесла дуб прямо на нас. Мы успели отпрыгнуть в разные стороны, а ствол проломил ограду и ударил в колокол с такой силой, что тот сорвался с петель и, издав гулкий протяжный стон, захлебнулся и ушел под воду. Отливной волной дуб потащило от колокольни, но в его размашистые ветви впуталась Ольгина коса, и громадный дуб, как мотылька, смахнул Ольгу, увлекая за собой в водяное царство. Это произошло за какое-то одно мгновение: удар, захлебнувшийся звук колокола и исчезновение Ольги в темной бездне водоворота. Я схватил увесистую крючковатую железяку, в виде сабли, висящую на ограде как украшение, и метнулся было за сестрой, надеясь перерубить железякой ветки и спасти ее, но волна ударила меня в грудь и отбросила к уцелевшей решетке колокольни. Железяка, выбитая волной из рук, вскользь саданула меня по макушке так, что на голове осталась не зарастающая волосами метка овальной формы... Первым монахам на Руси выбривали на голове гумэнцо – круг такой, как символ тернового венца; и покрывали потом голову скуфьей. Делали такую метку перед пострижением в монахи, и я, конечно, получив такой знак, увидел предначертанный мне путь в монастырь... Так я по-

терял сестру и ничего не знал про ее судьбу до знакомства с монахом-отшельником Серафимом Муромцем. А знакомство мое с ним состоялось только через шесть лет после затопления.

†

Эпизод второй: знакомство с Серафимом Муромцем.

Осенью сорок пятого года я, как чуждый социалистическому обществу элемент, по 58 статье был отправлен на Соловки, а потом почти сразу переведен в Повенец на восстановление шлюзов Беломорско-Балтийского канала. Меня давно искали по навету, но схватили около Александро-Невской лавры, в конце ноября, перед входом в бывшую императорскую духовную академию. В ту осень вся Лиговка от Московского вокзала до Обводного канала и ниже походила на сплошной блошиный рынок: торговали всем, и казалось, что торговали все. Серебряные золоченые приборы с княжеского стола, немецкие зажигалки и швейные машинки, дорогие меха, поношенная и неношенная одежда, медали, ордена и оружие – все это менялось на продукты для пропитания. Но что особенно бросалось в глаза, так это колоссальное множество, тьма калек и инвалидов – изуродованных войной людей... В первые дни ноября почти всех увечных – безногих, одноруких, кривых и трясущихся от контузии – погрузили на баржу и отвезли на Валаам. С плачем, выстрелами, криками, облавами и погонями «очистили» город

за несколько дней! Всех тех, кто оказывались рядом с калечками и заступались за них, тоже арестовывали, но отправляли не на Валаам, а в лагерь – на социалистические стройки. Это называлось «трудовое перевоспитание». Так я оказался на восстановительных работах под Повенцом, и если бы не дюжий Серафим Муромец, то мне вряд ли бы удалось выжить там.

Это был человек-исполин необычайной физической силы и внушительных размеров. Это был Голиаф, а все рядом с ним казались пигмеями. Муромцем его прозвали не только за могучую богатырскую силу, а больше за силу веры – духовную крепкость, которая невидимой волной исходила от него на ближних, укрепляя их в вере. Он с первого взгляда, брошенного на меня, встал как изваяние и не двигался до тех пор, пока я, тоже в оторопи смотревший на него, не перекрестился. Для меня было загадкой, что такого во мне заставило исполина застыть передо мной без движения. Он так смотрел на меня, будто мы уже встречались, будто у нас с ним был один общий секрет, про который никто больше не знал, а только я и он. И судя по его впечатляющему стоянию, для него этот секрет был чрезвычайно важным, и может быть даже судьбоносным. Тень догадки мелькнула в моей голове, только когда я заметил отблеск слезинки, скользящей по его щеке. И как только эта догадка промелькнула у меня, я сам вдохновился надеждой, птицей забившейся у меня в груди: я увидел в его глазах образ моей пропав-

шей сестры Ольги. Тут же я несколько раз спасительно перекрестился и перекрестил застывшего передо мной гиганта. Видно, удостоверившись, что я не привидение, а живой, он схватил меня в охапку и унес в уединенное место, подальше от ненужных свидетелей. Я не сопротивлялся – я уже знал, что между нами существует какая-то тайна – тайна, которую нам обоим не терпелось разгадать; и эта разгадка будет иметь решающее значение не только в моей судьбе.

В скале в черте охраняемой зоны Беломорканала была вырублена пещера, в нее мы и зашли. Там он бережно поставил меня перед собой и стал смотреть как на икону. Первым заговорил я:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.